

СТАРЫЙ РУССКИЙ СЕВЕР КАК ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Ильин Владимир Иванович (а)

(а) ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. E-mail: ivi-2002[at]yandex.ru

Аннотации

Старый Русский Север — понятие с расплывчатым и неоднозначным смыслом. В данной работе под ним понимаются северные регионы России, веками входившие в состав этого государства и его предшественников. Почему заселявшаяся веками территория региона в настоящее время сталкивается с интенсивными процессами социального опустынивания? Ответ на этот вопрос дается в терминах экзистенциальной социологии, фокусирующей внимание на индивидах, принимающих решения и бремя ответственности за них.

Отношения центра и периферии (пограничья) всегда были определяющими факторами развития этого региона (особенно его сельской местности). Веками в истории русской цивилизации проявлялся тренд к экспансии: завоеванию и освоению новых территорий через их заселение. В конце XX в. наметился противоположный тренд к сжатию. Население постепенно уходит с северных и восточных территорий, устремляясь в Москву, центральные и южные регионы страны. В статье рассматривается логика этой динамики на примере старого Русского Севера.

В постсоветский период регион, сохранив все свои веками действовавшие негативные факторы (климат, удаленность от центра, плохие коммуникации), утратил факторы притяжения и принуждения. Факторы выталкивания перестали компенсироваться факторами удержания. Радикальные изменения в системе коммуникаций наслонились на дисбаланс факторов выталкивания и удержания. Естественным следствием этого стали быстро идущие процессы социального опустынивания старого Русского Севера.

Ключевые слова

Безопасность; колонизация; общество потребления; природные ресурсы; старый Русский Север; социальное опустынивание; экзистенциальная социология; миграция; цивилизация; сжатие цивилизационного пространства

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ (Грант №19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)).

THE OLD RUSSIAN NORTH AS A SPACE OF LIFE CHANCES: HISTORY AND CONTEMPORARY PERIOD

Vladimir Ilyin (a)

(a) St. Petersburg State University. 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia 199034.
E-mail: ivi-2002[at]yandex.ru

Abstract

The old Russian North is a concept with a vague and ambiguous meaning. In this paper, it is understood as the Northern regions of Russia, which for centuries were part of this state and its predecessors. Why is the centuries-old territory of the region now facing intensive processes of social desertification? The answer to this question is given in terms of existential sociology, focusing on individuals making decisions and the burden of responsibility for them.

The relations between the center and the periphery (Frontier) have always been the determining factors in the development of this region (especially its rural areas). For centuries in the history of Russian civilization there was a trend towards expansion: the conquest and development of new territories through their settlement. At the end of the XX century there has been an opposite trend to the grip. The population is gradually leaving the Northern and Eastern territories, rushing to the Central and southern regions of the country. The article considers the logic of this dynamics on the example of the old Russian North.

In the post-Soviet period, the region, retaining all its centuries-old negative factors (climate, distance from the center, poor communications), lost the factors of attraction and coercion. The ejection factors have ceased to be compensated by the retention factors. Radical changes in the communications system have added on an imbalance of push and hold factors. The natural consequence of this was the rapidly developing processes of social desertification of the old Russian North.

Keywords

Security; colonization; consumer society; natural resources; the old Russian North; social desertification; existential sociology; migration; civilization; compression of civilization space

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Отношения центра и периферии (пограничья) всегда были определяющими факторами развития старого Русского Севера (особенно его сельской местности). Меняющийся статус старого Русского Севера как пограничной зоны цивилизации создавал пульсирующее пространство самореализации. Оно либо притягивало, либо выталкивало. При этом энергия миграции обеспечивалась двумя принципиально разными процессами. Во-первых, это стремление индивидов к социальной самореализации в географическом пространстве. Во-вторых, это политика государства, направленная на свою самореализацию. Соотношение этих процессов в ходе истории менялось, регулярно переплетаясь в тех или иных пропорциях.

На протяжении истории роль северного пограничья в жизни государства и людей, населяющих его территорию, существенно менялась. В основе определения роли региона лежало понимание социальными субъектами (государством, бизнесом и индивидами) данного региона как зоны размещения ресурсов, важных для социальной самореализации индивидов и / или политического самоутверждения государства. Эти роли можно свести к следующему перечню.

1. Зона относительной личной социальной свободы и безопасности.
2. Зона наказания.
3. Геополитически важная зона.
4. Зона добычи ценных природных ресурсов.
5. Зона социальной самореализации.

На протяжении многовековой истории иерархия этих зон изменялась, а сами зоны переплетались в разных причудливых конфигурациях.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ОПТИКА

Человек — это реализованная возможность, одна из большого или малого количества доступных вариантов. Как писал Жан Поль Сартр, первоначально (т. е. по факту своего рождения) «он ничего из себя не представляет», а человеком становится потом. «И он есть лишь то, что сам из себя делает». Отсюда следует, что «человек — это прежде всего проект». Он становится тем, кем он сейчас является в процессе реализации своего проекта, поэтому «человек ответственен за то, что он есть» (Сартр, 1989, стр. 323).

Если погрузить этот тезис в контекст марксистского детерминизма, то можно сказать, что человек прокладывает свой жизненный путь, опираясь на собственный проект и используя доступные ему ресурсы. Среди них важное место занимает географическое пространство. Человек свободен реализовать себя по собственному проекту в рамках окружающих его объективных обстоятельств.

В то же время и государство, т. е. машина, приводимая в действие людьми (правителями, чиновниками, военнослужащими и т. д.), реализует свой проект, тоже опираясь на доступные ресурсы, которые, с одной стороны, ограничивают, а с другой — открывают возможности.

Таким образом, в географическом пространстве сталкиваются два типа проектов самореализации: частный и государственный. Правда, если присмотреться, то за абстрактным субъектом, называемым «государство», просматриваются индивиды, имеющие власть, позволяющую им говорить от имени государства, озвучивать свою интерпретацию его интересов. Как жрецы говорили от имени богов, так властители и чиновники говорят от имени государства. Отличие их от «простых смертных» в том, что их социальная самореализация зависит от политической самореализации государства. Московский князь превратился в царя, покорив соседние княжества, республики и ханства. Его приближенные стали наместниками крупных территорий. Их воины — землевладельцами. Воля государства слагается из воль индивидов, которые реализуют свои жизненные проекты, опираясь на его ресурсы.

В результате возникало причудливое переплетение воль и интересов: государство как корпорация чиновников использовало в своих интересах массу индивидов, которые пытались использовать его и ресурсы региона для личной самореализации. Таким образом, старый Русский Север как пограничье всегда играл важную роль в качестве пространства самореализации обоих типов — и государственного, и личного.

Методологический поворот к экзистенциальной социологии повседневности (Штомпка, 2009; Ильин, 2016) предполагает отказ от традиционного деления на микро- и макроуровни объектов исследования. С одной стороны, индивиды рассматриваются как социальные молекулы, состояние и поведение которых предопределяет характер макропроцессов и институтов макроуровня. С другой стороны, политика государства и его подсистем, рыночная ситуация, геополитические процессы в существенной мере оказывают

влияние на пространство жизненных шансов, в котором живут индивиды.

СТАРЫЙ РУССКИЙ СЕВЕР КАК ПОГРАНИЧЬЕ (ФРОНТИР)

Категория Русского Севера имеет давнюю историю и неопределенное содержание. И с годами определенности не становится больше. Определение мигрирует во времени.

Иногда Русский Север определяют как геоконцепт, т. е. «территорию, к которой выражено отношение со стороны человеческого сообщества». Геоконцепт является результатом освоения территории (преобразования, осмысления, мифологизации) в культуре народа (Калуцков, 2011). Этот геоконцепт имеет уже тысячелетнюю историю.

По мнению Калуцкова (Калуцков, 2011), эту категорию ввел в оборот архангельский губернатор Александр Энгельгард, занимавший эту должность с 1893 по 1901 г. и издавший в 1897 г. книгу «Русский Север. Путевые заметки» (Энгельгард, 2019). В Русский Север он включал территории тогдашней Архангельской губернии, простиравшейся от норвежской границы до Тобольской губернии.

Нет общепринятого определения этой категории, как и согласия в правомерности самой категории. Все категории, используемые для описания Севера в научной литературе и в государственных документах, имеют разную пространственную локализацию, зависящую от рассматриваемых проблем, предмета и используемой нормативно-правовой базы. Дать определения на все случаи жизни не получалось (Тараканов, 2010, стр. 32). Особое значение имеет привязка правовых норм к уже существующему административно-территориальному делению (Павленко и Попов, 1986; Тараканов, 2007, 2008).

Категория Русского Севера стала снова относительно регулярно использоваться в XXI в. этнографами и фольклористами для обозначения неоднородной историко-культурной провинции, не имеющей четких административных границ (Калуцков, 2009; Шабаетов и др., 2012; Шабаетов, 2015). Для данного исследования, предметом которого является динамика населения, это не имеет принципиального значения. Определение «русский» здесь не связано с характеристикой этнического состава региона, в котором русское население соседствует с компактным расселением финно-угорских народов (карелы, коми). Это определение, за неимением лучшего, подчеркивает лишь общий исторический знаменатель: эти места с

давних времен входили в состав русских государств, имевших разные наименования. Их ядром изначально были территории, входившие в Новгородскую землю или находившиеся в даннической зависимости от нее.

В научном сообществе нет согласия относительно состава территорий, входящих в него. Перечень колеблется от Поморья до региона, включающего в себя Новгородскую, Вологодскую, Архангельскую, Ленинградскую, Костромскую, Ярославскую области, Республику Карелия и Республику Коми. Для решения задачи данного исследования приемлем сугубо прагматический подход. Главным вопросом данного исследования является: почему люди веками жили в неблагоприятных природных условиях, а сейчас активно отсюда уезжают? Определение Русского Севера, в который включают северные регионы Европейской части России, к решению этого вопроса не подходит. Из категории Севера необходимо исключить районы Арктики, активное заселение которых в рамках проектов модернизации началось в основном с 1930-х годов. Это уже совсем иная история. В силу этого данная категория как инструмент анализа исторических процессов расселения должна включать уточнение: это старый Русский Север. В данном исследовании в эту категорию включаются территории, которые, во-первых, являются по своим природно-климатическим характеристикам северными. Отсюда вытекает ограниченная роль земледелия даже в южных районах Новгородской земли. Как писал С.Ф. Платонов, «население ковыряло землю без верной надежды на урожай лишь потому, что не рассчитывало на сколько-нибудь правильный подвоз зерна» (Платонов, 1924, стр. 7). Эту же особенность хозяйственного уклада Архангельской области, но уже в конце XIX в., отмечал и ее губернатор А. Энгельгард (Энгельгард, 2019). Во-вторых, эти земли веками были относительно обжитыми. Иначе говоря, это Север Европейской части России минус Крайний Север.

Если говорить на языке современного административно-территориального деления, то в объект нашего исследования включены Псковская, Новгородская, Архангельская, Вологодская, частично Костромская области, Республика Карелия и Республика Коми. Это сугубо инструментальное определение, не имеющее отношения к задачам географии.

Старый Русский Север издавна был границей цивилизации, для которой нет общепринятого имени. Для одних — это пограничье европейской цивилизации, для других — русской, для третьих — евразийской. Однако в данном случае важным является не название

цивилизации, а то, что здесь в силу исторической логики ее развития сформировалась зона пограничья, переходившая в другую зону — тундру, слабо заселенную народами, жившими в рамках совершенно иного уклада. Старый Русский Север сложился как окраина русских земель. При этом ключ к его пониманию во многом лежит в процессах, проходивших в основной части этих земель. Эта же система отношений центр — периферия определяет и современное состояние региона.

ЗОНА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

В русской истории пограничье изначально выполняло функцию зоны относительной социальной свободы. Государство как машина, управляемая чиновниками, в силу своих ограниченных ресурсов и исторически несовершенных средств коммуникации на ранних этапах своей истории не могло контролировать пограничье (южные степи, Сибирь и Север) так же жестко, как центральные районы страны. На Севере огромные расстояния и малое количество пахотных земель создавали препятствия для экспансии в эти края помещичьего землевладения и крепостничества. Это создавало здесь зоны относительной социальной свободы.

Государство, преследуя геополитические интересы, стремилось закрепить за собой пограничье заселением этих территорий своими подданными. Чтобы стимулировать миграцию в эти регионы, оно шло на расширение социальных прав переселенцев.

Сюда, при благосклонности властей, переселялись религиозные диссиденты, только здесь и получавшие возможность молиться богу на свой манер. Старообрядцы появились в этих краях в конце XVII в. Правда, здесь их тоже пытались преследовать, ярким символом их сопротивления стали самосожжения («гари») начала XVIII в. (Ончуков, 1905; Фишман, 2003; Кузнецова, 2019). Однако в удаленных местах они все равно получали степень религиозной свободы, немислимую в центральных регионах страны.

Такой статус северного пограничья формировал привлекательное пространство социальной самореализации. Сюда устремлялись беглые крестьяне, искатели удачи и наживы. Социальные преимущества в виде относительно ограниченной эксплуатации компенсировали природно-климатические издержки.

Однако по мере усиления централизованного государства режим относительной социальной свободы ужесточался, прежде всего в сфере контроля и государственной эксплуатации. В сталинский период советской истории этот процесс достиг своего апогея. Однако

даже в это время по ряду параметров здесь наблюдалось больше свободы самореализации «вольного» (т. е. не находившегося в заключении) населения, чем в центральных районах СССР. Например, люди, имевшие клеймо бывших осужденных и ссыльных, клеймо, блокировавшее любую карьеру в основной части страны, на Севере могли занимать важные посты в качестве управленцев и специалистов.

В поздний советский период относительная социальная свобода Севера вытекала из дефицита квалифицированных специалистов. Человек с востребованной специальностью, в условиях очень ограниченной конкуренции, имел возможности быстрого карьерного роста, проблематичного без влиятельных связей в центре.

К настоящему времени расстояние от столицы уже не конвертируется в социальную свободу. Ослабление централизованного контроля с лихвой компенсируется властью местного чиновничества. Таким образом, этот фактор притяжения Севера утратил свое значение.

ЗОНА БЕЗОПАСНОСТИ

В раннее Средневековье центральные районы Руси страдали от двух бед: междоусобиц князей и набегов воинственных кочевников, а затем и их осевших, но по-прежнему воинственных потомков. Какая беда была страшнее — вопрос спорный, а ответ на него варьируется от периода к периоду, от ситуации к ситуации. Разумеется, татаро-монгольское нашествие склонило на некоторое время чашу весов в пользу второй категории. Однако русские князья и по собственной инициативе, и по научению ордынских покровителей нещадно разоряли земли друг друга. Все это превращало центральные территории Руси в зону социального бедствия.

В этих условиях пространства тогдашнего Русского Севера, где княжеские междоусобицы задевали население, в основном, только в его южной части, а орды кочевников, а потом и осевших татар туда не доходили, обладали огромными преимуществами, компенсировавшими издержки климата и неплодородных почв. Действовала вполне очевидная логика: лучше быть живым в холодной тайге, чем мертвым в умеренном климате.

С формированием централизованного государства этот фактор притяжения утратил прежнюю роль. Неудачные войны с Москвой (1471 г. и 1477–1478 гг.) показали, что отсидеться в стороне от усобиц не удалось. Великий Новгород утратил свою независимость (1477 г.). Кровавый погром, организованный там опричниками Ивана Грозного

(1569–1570 гг.), продемонстрировал его беззащитность перед царским деспотизмом.

Последующие военные катаклизмы затрагивали этот регион только косвенно. Здесь не было кровавой Смуты, разорившей центральные регионы страны, здесь не было крестьянских войн, сюда не дошли войска Наполеона. Фронты Первой мировой войны были очень далеко, а Гражданская война в сравнении с центральными и южными регионами России протекала просто в «вегетарианских» формах. Нацистское нашествие затронуло только Псковскую и Новгородскую область. Таким образом, и в эпоху централизованного государства этот регион избежал разорительных и кровавых войн. Правда, мобилизации в армию не оставляли местным мужчинам шанса отсидеться в своих деревнях.

В настоящее время притягательность старого Русского Севера как пространства относительной безопасности не занимает заметного места в системе социальной навигации россиян. Судя по видимой части дискурса, актуальной считается только угроза ядерной войны, а это перспектива, которая в массовом сознании близка к Апокалипсису. Следовательно, ее нигде не пересидеть. Лишь генералы и прислушивающаяся к ним часть населения (видимо, не очень большая) рассуждает об этой перспективе в терминах прошлого века, т. е. в терминах возможности победы одной стороны.

ЗОНА НАКАЗАНИЯ

С присоединением старого Русского Севера к Москве этот регион постепенно приобретает функции зоны наказания. Начиная с Ивана Грозного, сюда ссылают провинившихся. Сначала этот регион был вне конкуренции как зона каторги и ссылки. По мере освоения Сибири он стал уступать ей пальму первенства в качестве пространства устрашения. В XIX в. в этом регионе сложилась масштабная и четкая система именно ссылки.

После Октябрьской революции Север быстро восстановил свой прежний статус зоны наказания. Наиболее ярким и ранним символом этой преемственности стали Соловки. По мере формирования тоталитарного сталинского режима масштабы каторги и ссылки царской эпохи были многократно превзойдены. Существенная часть этого региона была покрыта густой сетью концлагерей и спецпоселков. Север в общественном сознании советских людей превратился в зону устрашения.

В Коми АССР в 1940 — начале 1950-х годов численность заключенных колебалась в районе 150—250 тыс. чел.,

спецпереселенцев — 30-40 тыс. чел. (История Коми 2011, стр. 496). При этом в 1929 г. все население Коми области составляло 237 тыс. чел. (Лыткина и Фаузер 2016, стр. 98). В 1940-е годы удельный вес спецконтингента в населении Коми АССР превышал 40% (Фаузер и др. 2015). Всего в Северном крае в 1930 г. насчитывалась 301 тыс. спецпереселенцев, в 1935 г. — 67 тыс. (Коротаев, 2004; 2012).

В послесталинский период масштабы империи ГУЛАГа были существенно уменьшены. Однако специализация этого региона как места расположения лагерей для осужденных сохранилась. Сохраняется это место в региональном разделении труда и по сей день.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИ ВАЖНАЯ ЗОНА

Особенность любого пограничья в том, что там относительно, а часто очень, низкая плотность населения, что создает у соседей иллюзию его «ничейности». Отсюда стремление государства проводить политику переселения населения в такие регионы с сугубо геополитической целью защиты границ.

Эта политика начала проводиться в имперской России в разных формах: частично с помощью ссылки, частично через стимулирование переселения крестьян.

В сталинскую эпоху доминирующей формой решения этой проблемы стало принудительное переселение больших масс населения в качестве спецпереселенцев (в основном т. н. «кулаков»), заключенных и ссыльных. В некоторых частях этого региона население резко выросло именно за счет принудительной колонизации.

ЗОНА ДОБЫЧИ ЦЕННЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Север в этом качестве изначально был привлекателен и для государства, и для купцов, и для крестьян, охотников, рыбаков. Отсюда через Архангельск с XVI в. начался экспорт леса, пеньки, пушнины и рыбы. В погоне за новыми ресурсами колонисты и участники экспедиций шли все дальше на север и восток.

В период советской индустриализации к традиционной пушнине, лесу и рыбе добавились уголь и нефть. В сталинский период сырьевые отрасли обеспечивались за счет принудительного труда не только заключенных и спецпереселенцев, но и колхозников. В поздний советский период, с одной стороны, частично были сохранены «исправительно-трудовые лагеря», где широко использовался

принудительный труд заключенных, а с другой — была создана система материального стимулирования, которая обеспечивала приток добровольных трудовых мигрантов. В этот период быть северянином стало выгодно и престижно.

В постсоветский период по разным причинам (появление высокопроизводительной техники, закрытие части предприятий) спрос на рабочую силу упал. Многие предприятия переходят на вахтовый метод работы, делающий ненужным для их функционирования наличие местного населения. Это повлекло не только уменьшение трудовой миграции, но и отток части местного населения, которое стало избыточным.

ЗОНА СОЦИАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

С феодальных времен Север был пространством самореализации для вольнолюбивых искателей приключений и наживы. Сюда ехали купцы со своими «ватагами» (артелями, товариществами) для скупки пушнины, охоты и рыбного промысла. Здесь крестьяне, отправившиеся в труднодоступные места, порою становились купцами. Сюда переселялись крестьяне из других губерний России, привлеченные обилием земли, хотя и сомнительного качества.

В позднее советское время, когда была разработана достаточно эффективная система стимулирования трудовой миграции, многие жители разных регионов СССР отправлялись сюда на заработки и делать карьеру. Специалисты из Москвы и Ленинграда бронировали свое государственное жилье в родных городах и уезжали на Север на несколько, а порою на много лет. Достаточно распространенной была биографическая модель, в которой индивид ехал на Север, копил деньги, на которые по возвращению в теплые места приобретал свой дом или квартиру, машину. Часто это сопровождалось выходом на раннюю «северную» пенсию.

Правда, Север как зона социальной самореализации был неоднороден. Работа в сельском хозяйстве была для мигрантов бесперспективна. Ехали в основном в города и рабочие поселки лесозаготовителей, шахтеров, нефтяников и строителей.

В постсоветский период переплетение разных факторов привело к утрате Русским Севером статуса пространства социальной самореализации. Переход к рынку, сопровождавшийся неолиберальной политикой государства, предусматривавшей отказ от поддержки нерентабельных предприятий, привел к падению конкурентоспособности северного производства в самых разных отраслях, но особенно в сельском хозяйстве, к закрытию многих

предприятий, росту безработицы. Жизнь и работа в северных областях утратили былую экономическую привлекательность, что стало толчком к оттоку населения (особенно из малых населенных пунктов). Как отмечал Ю. Шабаев, опираясь на данные опросов в Мурманске, Архангельске и Сыктывкаре в 2010 г., «значительная часть населения северных субъектов сегодня не верит в перспективы жизни на Севере» и «наиболее энергичная часть постоянных жителей уже не связывает свои личные судьбы с северными регионами» (Шабаев 2012). Тогда треть опрошенных заявила о желании покинуть Север, а среди молодежи этот показатель превысил 50%.

ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА СТАРОГО РУССКОГО СЕВЕРА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

С началом масштабной урбанизации статус северного пограничья претерпевает существенные изменения. Масса городского населения постепенно приобретает социальные преимущества по сравнению с сельским, а столичные жители занимают заметно более высокое положение по отношению к соотечественникам, живущим на окраинах. Городское жилье становится все более комфортным, а сельское (в т. ч. и в малых городах, и на окраинах областных центров) застывает на уровне прошлых веков. Единственным признаком его модернизации становится электричество, которое во многие населенные пункты пришло только во второй половине XX в.

В этих условиях стремление уехать из деревни в город, а из региональных городов — в столицу, приобретало массовый характер. Желания не совпадали с реальными действиями только благодаря жесткому режиму прописки, закрывавшей наиболее привлекательные города от наплыва провинциалов.

С началом перехода к рынку зарождается процесс формирования российского общества потребления, под которым можно понимать систему общественных отношений, ядром которых является индивидуальное потребление (Ильин, 2005, стр. 4). Атрибутом такого общества является культура консюмеризма (потребительства), опирающаяся на фундамент индивидуализма. В этом обществе, которое приобрело существенные масштабы в России XXI в., высокий личный потребительский уровень в формах, адекватных мировым достижениям этого времени, превращается в мерило жизненного успеха.

Ссылки на высокие интересы государства и общества, в определенной мере убедительный в советское время аргумент «если ты уедешь, то кто же будет здесь работать?», теряют свою силу. Герой

нового времени живет здесь и сейчас, живет для себя (максимум для своих близких). Современная массовая культура, отказавшись от функции воспитания сознательных граждан, превратилась в мощный двигатель консюмеризма, распространяя, с помощью телевидения, в самых глухих точках страны образцы современной столичной жизни. Новая культурная оптика меняет восприятие ситуации. Зачем жить в холодном климате, если можно жить в умеренном? Зачем жить в глуши, если можно находиться в эпицентре экономической и социальной жизни? Жизнь в северном пограничье превращается в проблему, которую надо либо решить, уехав в другие места, либо смириться с тем, что ресурсов (денег, здоровья, характера, образования, конкурентоспособного возраста) для ее решения нет.

Превращению устремлений в реальные миграционные практики способствует развитие транспортных и электронных коммуникаций, устранение разрешающей прописки как инструмента регулирования численности населения привлекательных городов, введение системы ЕГЭ. Выпускники средних школ почти поголовно уезжают из деревень в города. Миграционная дистанция определяется, в первую очередь, суммой полученных баллов ЕГЭ: чем он выше, тем ближе пункт назначения к столице. Минимально приемлемым пунктом назначения становится областной центр. Вслед за детьми тянутся и родители.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

На протяжении длительного периода славянской колонизации Европейского Севера численность его населения росла. За этим стояло переплетение самых разнообразных факторов принуждения и притяжения, толкавших людей из внутренних районов Руси/России мигрировать на Север и, в существенной своей части, оставаться здесь из поколения в поколение.

Губернии	Годы		
	1811	1914	1914 в % к 1811 г.
Псковская	782,0	1425,1	182,2
Вологодская	702,9	1751,6	249,2
Архангельская	210,0	483,5	230,2
Костромская	1074,0	1822,6	180,0
Новгородская	1006,3	1671,5	218,3
Олонецкая	296,8	465,8	190,0
Всего по губерниям Европейской России (без Польши и Финляндии)	61 175,9	127 776,5	305,6

Таблица 1. Динамика численности населения Русского Севера в имперской России (тыс. чел.) Рассчитано по: (Рашин, 1956).

В тоталитарный (сталинский период советской истории) динамику численности населения как показатель привлекательности региона оценить проблематично в силу резкого усиления роли факторов, никак не связанных с волей жителей: принудительное заселение региона и массовые потери в результате как войны, так и плохих условий жизни в лагерях. В этих условиях простой человек не был хозяином своей судьбы.

В поздний советский период численность населения региона росла за счет и естественного прироста, и миграции. Однако за относительно благополучными общими показателями скрывается наметившийся в этот период отток населения из сельской местности. Рост шел в городах.

Годы	Процент ежегодных изменений	Годы	Процент ежегодных изменений
1961–1965	+ 1,60	1976–1980	– 0,85
1966–1970	– 0,40	198–1985	– 0,25
1971–1975	– 1,90	1986– 1990	– 0,70

Таблица 2. Среднегодовые темпы изменения численности сельского населения Коми АССР (Фаузер и Парначев, 1998, стр. 39)

Регион	Годы				
	1970	1990	1970–1990, в %	2016	1990–2016, в %
Республика Карелия	711	795	+ 11,81	630	– 20,75
Республика Коми	967	1255	+ 29,78	857	– 31,71
Архангельская обл.	1394	1574	+ 12,91	1174	– 25,4
Вологодская обл.	1294	1355	+ 4,71	1188	– 12,32
Новгородская обл.	720	753	+ 4,58	616	– 18,19
Псковская обл.	878	844	– 3,87	646	– 23,46
Костромская обл.	867	805	– 7,15	651	– 19,13
РФ	131 755	150 126	+ 13,94	146 545	– 2,39
Москва	7148	8908	+ 24,62	12 330	+ 38,41

Таблица 3. Динамика численности населения во второй половине XX — начале XXI в. Рассчитано по: (Регионы России, 2017).

В постсоветский период четко обозначилась тенденция к оттоку населения с Русского Севера. За этим частным демографическим трендом прослеживается начало перелома в цивилизационном процессе: веками длившаяся колонизация и освоение северных и восточных территорий сменяется противоположным процессом сжатия. Москва, Санкт-Петербург и другие крупные города превратились в открытые для мигрантов центры притяжения. В сельской местности северного пограничья развернулись процессы депопуляции.

ВЫВОДЫ

Веками русский цивилизационный процесс имел форму территориальной экспансии, важными направлениями которой были Север и Восток. Сначала малообжитые территории завоевывались, затем постепенно заселялись и осваивались. Этот процесс продолжался до 1970–1980-х годов. Затем наметился противоположный тренд к сжатию жизненного пространства. Он проявляется в оттоке населения с Дальнего Востока, Сибири и Севера.

Веками пограничье Старого Русского Севера опиралось на баланс факторов притяжения и выталкивания населения. Большое количество людей, следуя логике социального самоутверждения, выбирали жизнь на Севере, либо оставаясь там, где жили их предки, либо приезжая сюда на какой-то период времени. При этом они использовали политику государства, а государство использовало их при реализации своих целей как свой ресурс.

На рубеже XX–XXI веках, в силу целого комплекса причин, этот баланс факторов миграционного поведения оказался нарушен. Набор причин жизни в северном пограничье, которые воспринимаются в качестве достаточно убедительных, становится все меньше и меньше. Масса индивидуальных миграционных стратегий превращается в новое качество динамики населения: наблюдается его заметный отток и из региона в целом, и, особенно, из сельской местности, где в полную силу разворачивается процесс социального опустынивания.

В местах, где люди жили веками, типичным элементом ландшафта становятся заброшенные дома и целые безлюдные деревни. Это естественное следствие того, что старый Русский Север на современном витке динамики этого геоконцепта утратил образ территории возможностей, став зоной социального исключения. Это переопределение старого Русского Севера стало причиной оттока населения. Если веками шел процесс колонизации этого региона, то в постсоветский период началась его «деколонизация».

Список литературы

- Ильин, В. И. (2005). Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. *Мир России*, (4), 3–40.
- Ильин, В. И. (2016). Методологический поворот к экзистенциальной повседневности. *Проблемы теоретической социологии* (стр. 148–164). СПб.: Астерион.
- История Коми с древнейших времен до современности* (2-е изд.). (2011). Т. 2. Сыктывкар: Анбур.
- Калуцков, В. Н. (2009). Русский Север как культурно-географический регион. *Геокультурное пространство европейского Севера: генезис, структура, семантика*, 27–37.
- Калуцков, В. Н. (2011). О «движении» геоконцепта Русский Север в культурном пространстве. *Языки и фольклор народов Сибири*, (2). Retrieved from <http://www.regionalstudies.ru/publication/article/197%25E2%2580%2594lr-.html>.
- Коротаев, В. И. (2004). *На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века*. Архангельск: Поморский университет.
- Коротаев, В. И. (2012). Проблемы колонизации и спецколонизации русского Севера / Северного края и опыт их решения во второй половине XIX — первой трети XX века. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kolonizatsii-i-spetskolonizatsii-russkogo-severa-severnogo-kraja-i-opyt-ih-resheniya-vo-vtoroy-polovine-xix-pervoy-treti-xx-veka>.
- Кузнецова, Н.Ю. (2019). К вопросу о религиозных процессах на Европейском Севере (старообрядчество как особый фактор приграничья в работах А.С. Пругавина). *Журнал фронтирных исследований*, (3), 140-151.
- Лыткина, Т. С., Фаузер В. В. (2016). Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (1), 90–109.
- Лыткина, Т. С. & Смирнов, А. В. (2019). Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? *Мир России*, 28 (3), 27–47.

- Ончуков, Н. Е. (1905). *Старина и старообрядцы: [Поездка в Поморье и Заонежье]*. Санкт-Петербург: В.О. Пастор.
- Павленко, В. И. & Попов, С. Н. (1986). Методические подходы к районированию Севера СССР. В *Проблемы Севера, Вып. 22*. (21–30). М.: Наука.
- Платонов, С. Ф. (1924). *Прошлое Русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья*. Берлин.
- Рашин, А. Г. (1956). *Население России за 100 лет (1813–1913). Стат. очерки*. М.: Государственное статистическое издательство.
- Регионы России: социально-экономические показатели: статистический сборник* (2017). Москва: Федер. служба гос. статистики (Росстат).
- Сартр, Ж.-П. (1989). Экзистенциализм — это гуманизм. В Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр. *Сумерки богов* (стр. 319–344). Москва: Издательство политической литературы.
- Тараканов, М. А. (2007). Север как юридическая категория для установления государственных гарантий и компенсаций. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность* (8), 39–43.
- Тараканов, М.А. (2010). Эволюция пространственной локализации понятий «Крайний Север» и «Север» в России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 26 (83), 32–41.
- Тараканов, М. А. (2008). Еще раз о районировании Севера России. *ЭКО*, (9), 98–112.
- Фаузер В. В., Парначев А. А. (1998). *Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости*. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.
- Фаузер, В. В., Лыткина Т. С. & Фаузер Г. Н. (2015). Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению. *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал)*, (3), 151–168.
- Фишман, О. М. (2003). *Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы*. Москва: Индрик.
- Шабает, Ю. П. (2012). Поморский рецепт от деградации севера // *Центр Льва Гумилева*. Retrieved from <https://www.gumilev-center.ru/yurijj-shabaev-pomorskijj-recept-ot-degradacii-severa/>
- Шабает, Ю. П., Жеребцов, И.Л. & Журавлев, П.С. (2012). «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы. *Мир России*, (4), 134–153.

- Шабает, Ю. П. (2015). Русский Север в процессе деколонизации: социальные и культурные риски на Европейском Севере России. *Известия Коми научного центра УрО РАН. Историко-филологические науки*, 3 (23), 105–118.
- Штомпка, П. (2009). В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии. *Социологические исследования*, (8), 3–13.
- Энгельгардт, А. П. (2019). *Русский Север*. Москва: Т8RUGRAM.

References

- Ilyin, V. I. (2005). Consumer society: theoretical model and Russian reality. *Mir Rosii*, (4), 3–40 (in Russian).
- Ilyin, V. I. (2016). *Methodological turn to existential everyday life. Problems of theoretical sociology* (p. 148–164). SPb.: Asterion (in Russian).
- The history of Komi from ancient times to the present* (2nd ed.). (2011). Vol. Syktyvkar: Anbur. (in Russian).
- Kalutskov, V. N. (2009). The Russian North as a cultural and geographical region. *Geocultural space of the European North: Genesis, structure, semantics*, 27–37. (in Russian).
- Kalutskov, V. N. (2011). On the «movement» of the Russian North Geoconcept in the cultural space. *Languages and folklore of the peoples of Siberia*, (2). Retrieved from <http://www.regionalstudies.ru/publication/article/197%25E2%2580%2594lr-.html>. (in Russian).
- Korotaev, V. I. (2004). *On the threshold of demographic catastrophe: forced colonization and demographic crisis in the Northern region in the 30s of the XX century*. Arkhangelsk: University of Pomorje. (in Russian).
- Korotaev, V. I. (2012). Problems of colonization and special colonization of the Russian North / Northern territory and the experience of their solution in the second half of the XIX — first third of the XX century. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Ser. Humanities and social Sciences*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kolonizatsii-i-spetskolonizatsii-russkogo-severa-severnogo-kрая-i-opyt-ih-resheniya-vo-vtoroy-polovine-xix-pervoy-treti-xx-veka>. (in Russian).
- Kuznetsova, N. Yu. (2019). On the question of religious processes in the European North (old believers as a special factor of the frontier in the works of A. S. Prugavin). *Journal of frontier studies*, (3), 140–151. (in Russian).

- Lytkina, T. S. & Fauser V. V. (2016). State management of forced migration as a way to develop the North of Russia in the 1930s-1950s. *Journal of sociology and social anthropology*, (1), 90–109. (in Russian).
- Lytkina, T. S. & Smirnov, A.V. (2019). The Russian North in the conditions of global neoliberal policy: overcoming spatial inequality or displacement? *Universe of Russia*, 28(3), 27–47. (in Russian).
- Onchukov, N. E. (1905). *Old man and the old believers: [a Trip to Pomorje and Zaonezh'e]*. St. Petersburg: V. O. Pastor. (in Russian).
- Pavlenko, V. I. & Popov, S. N. (1986). *Methodological approaches to the zoning of the North of the USSR. Problems of The North*, Vol. 22. (21-30). Moscow: Nauka. (in Russian).
- Platonov, S. F. (1924). *The past of the Russian North: Essays on the history of the colonization of Pomorje*. Berlin. (in Russian).
- Rashin, A. G. (1956). *Population of Russia for 100 years (1813–1913)*. Stat. essays. Moscow: State statistical publishing house. (in Russian).
- Regions of Russia: socio-economic indicators: statistical collection* (2017). Moscow: Feder. state statistics service (Rosstat). (in Russian).
- Sartre, J.-P. (1989). Existentialism is humanism. In F. Nietzsche, Z. Freud, E. Fromm, A. Camus, J.-P. Sartre. *Twilight of the gods* (pp. 319–344). Moscow: publishing house of political literature. (in Russian).
- Tarakanov, M. A. (2007). North as a legal category for the establishment of state guarantees and compensation. *National interests: priorities and security*, (8), 39–43. (in Russian).
- Tarakanov, M. A. (2010). Evolution of spatial localization of concepts «Far North» and «North» in Russia. *National interests: priorities and security*, 26 (83), 32–41. (in Russian).
- Tarakanov, M. A. (2008). Once again about zoning of the North of Russia. *ECO*, (9), 98–112. (in Russian).
- Fauser, V. V. & Parnachev, A. A. (1998). *Rural population of the Northern region: problems of reproduction and employment*. Syktyvkar: Komi scientific center, Ural branch, Russian Academy of Sciences. (in Russian).
- Fauser, V. V., Lytkina, T. S. & Fauser, G. N. (2015). Public administration of population migration: from coercion to encouragement. *Corporate governance and innovative development of the Northern economy: Bulletin of SIC KPUVI Syktyvkar state University*, (3), 151–168. (in Russian).
- Fishman, O. M. (2003). *Life by faith: Tikhvin Karelians-old believers*. Moscow: Indrik. (in Russian).

- Shabaev, Yu. P. (2012). Pomorje recipe from the degradation of the North / / *Lev Gumilev Center*. Retrieved from <https://www.gumilev-center.ru/yurijj-shabaev-pomorskijj-recept-ot-degradacii-severa/> (in Russian).
- Shabaev, Yu. P., Zherebtsov, I. L. & Zhuravlev, P. S. (2012). "Russian North": cultural boundaries and cultural meanings. *Universe of Russia*, (4), 134–153. (in Russian).
- Shabaev, Yu. P. (2015). The Russian North in the process of decolonization: social and cultural risks in the European North of Russia. Proceedings of the Komi scientific center of UB RAS. *Historical and philological Sciences*, 3 (23), 105–118. (in Russian).
- Shtompka, P. (2009). The focus is on everyday life. A new trend in sociology. *Sociological researches*, (8), 3–13. (in Russian).
- Engelhardt, A. P. (2019). *Russian North*. Moscow: T8RUGRAM. (in Russian).